

Елизавета Березина

Rebecca Friedman. Modernity, Domesticity and Temporality in Russia: Time at Home. London: Bloomsbury Academic, 2020. 223 pp. ISBN 9781350112438.

Елизавета Березина, Центрально-Европейский университет (Будапешт-Вена). Адрес для переписки: Central European University, Department of History, Quellenstraße 51, 1100, Vienna, Austria. eliz.berezina@gmail.com.

На обложке книги Ребекки Фридман «Modernity, Domesticity and Temporality in Russia: Time at Home» помещена фотография, на которой запечатлены две женщины-работницы линии сборки будильников одного из российских часовых производств середины 1920-х годов. С одной стороны, это изображение служит выражением представлений об индустриальном, стандартизированном и измеряемом времени – сборщицы выполняют последовательность операций, соблюдая нормы рабочего времени и подчиняясь фабричному ритму труда. С другой стороны, позы женщин – мягкий наклон корпуса, прижатые к телу руки, держащие сложные механизмы, – делают эту фотографию визуальной метафорой «прирученного», «домашнего», частного времени. Соприсутствие и напряжение между разными «темпоральностями» в России рубежа XIX–XX веков – одна из тем, которые исследует Фридман в монографии, посвященной воплощению идей о прошлом, настоящем и будущем в повседневных домашних практиках. Изменения представлений об этих категориях времени оказывали влияние на нормы организации домашнего пространства и становились основой для формирования новых ценностей и моделей поведения в ситуации социальных и культурных преобразований¹.

Публикация в 2020 году работы Фридман, профессора истории Международного университета Флориды, дополняет календарь важных событий последних лет, свидетельствующих об интересе к темпоральности в теории исторического знания и к вопросам отношений человека со временем в других гуманитарных дисциплинах (Николаи и Олейников 2021). В 2019 году дебатам о темпоральном повороте в исторических исследованиях был посвящен целый раздел в одном из номеров авторитетного журнала «Past & Present». Отдельно стоит отметить внимание исследователей к вопросам российской/советской темпоральности. Под руководством Галины Орловой в Высшей школе экономики (Москва) была организована научно-учебная группа «Междисциплинарные и экспериментальные формы изучения социального времени в СССР», участники которой занимаются исследованиями советского темпорального воображения и политик управления временем

¹ Алейда Ассман (2012) предложила термин «временной режим культуры» для обозначения «темпоральной организации и ориентации, укорененных в культуре и обеспечивавших основу для возникновения безусловных ценностей, схем мышления и логики поступков». В своей монографии Фридман не ссылается на работы Ассман, но использует близкое по содержанию понятие «временной режим» (time regime) для указания на связь между абстрактными представлениями о времени и конкретными практиками, в которых они находят свое выражение.

в СССР². В апреле 2021 года в Шанинке на конференции «Векторы развития современной России» был организован круглый стол «Режимы темпоральности в советской культуре»³. В июле того же года в Институте истории искусств во Флоренции прошла конференция «Темпоральность и материальная культура при социализме»⁴. Так же как и участники этих научных событий, Фридман предлагает ответы на вопросы: как материальная культура «овеществляет» представления о времени в разные исторические периоды? Как смена темпоральных режимов проявляется в обращении людей прошлого с материальными объектами и жилыми пространствами? В каких повседневных практиках воплощаются интерес к прошлому, желание быть «современным» и устремленность в будущее?

Содержание книги «Modernity, Domesticity and Temporality in Russia» соответствует намерению автора сделать вклад сразу в несколько историографических и теоретических дискуссий. Во-первых, как она сама отмечает, исследование домашних интерьеров с точки зрения отражения в них представлений о прошлом, настоящем и будущем расширяет репертуар аргументов в споре об особенностях российской/советской модерности в сравнении с усредненной европейской моделью. Изучение практик рациональной организации домашнего пространства делает возможным реконструкцию лежащих в их основе ценностей «современности». Во-вторых, монографию можно читать как исследование по истории повседневности, так как автор анализирует нормы частной жизни и ведения домашнего хозяйства в имперской России и в первые годы после Октябрьской революции. В-третьих, Фридман предполагает, что книга найдет свое место в ряду исследований большевистской утопии, так как рассматривает раннесоветские эксперименты по организации жилых пространств в контексте утопических проектов коммунистического будущего (с. 7–8). Можно добавить, что в монографии также затронуты вопросы гендерного времени, которые проясняют различия и степень вовлеченности мужчин и женщин в работу по организации домашней жизни (Bryson 2007). Чувствительность автора к гендерной проблематике не случайна. Предыдущая книга Фридман, опубликованная в 2006 году, была посвящена исследованию многообразия моделей и практик мужского поведения в университетской среде в Российской империи в 1804–1863 годы.

Монография состоит из введения, четырех глав и эпилога. В первой теоретической главе «Российская модерность сквозь время и пространство» обсуждаются подходы к исследованию связи между представлениями о времени и пространстве частной жизни в контексте сравнения российского/советского и европейского темпорального воображения. Несколько фрагментарный обзор литературы не за-

² Научно-учебная группа «Междисциплинарные и экспериментальные формы изучения социального времени в СССР», НИУ «Высшая школа экономики», https://www.hse.ru/war/t_vperyod/.

³ Запись круглого стола «Режимы темпоральности в советской культуре», 17 апреля 2021, Конференция «Векторы развития современной России», видео, 2:19:03, <https://www.youtube.com/watch?v=t2cEachfGGw>.

⁴ Conference “Temporality and Material Culture under Socialism,” Kunsthistorisches Institut in Florenz, July 1–2, 2021, <https://www.khi.fi.it/en/aktuelles/veranstaltungen/2021/07/Temporality-and-Material-Culture-under-Socialism.php>.

трудняет понимание главных тезисов текста. Рубеж XIX–XX веков описывается как эпоха, когда культурное время окончательно перестало быть зависимым от естественных природных циклов и городская повседневность оказалась подчинена механистической модели стандартизированного времени, ставшего одним из символов модерности. Происходившие перемены способствовали развитию нового чувства времени и осмыслению «современности» как особой длительности, отличной от «прошлого» (с. 18–23). Полем битвы настоящего с прошлым стало пространство частной жизни – в первую очередь городская квартира. С одной стороны, новые бытовые приспособления и гигиенические нормы воплощали связанные с «современностью» идеи о рациональном, эффективном и безопасном жилье. С другой – в доме оставалось место для ностальгии и присутствия прошлого, которое обнаруживало себя в интерьерах, декоре, воспоминаниях о домашнем мире детства (с. 29–32). Фридман убедительно пишет о доме как месте наслаения множества временных режимов, что делает его привлекательным объектом для исследования сосуществующих темпоральностей.

Во второй главе «Настоящее время, гигиена и городская квартира» читатель в сопровождении автора совершает «рум тур» – экскурсию по комнатам городской квартиры рубежа веков. Фридман анализирует инструкции и советы по домоводству в популярных журналах для женщин и обнаруживает в рекомендательных текстах образцы того, как обустроить кухню, спальню и детскую, утверждавшие новые нормы жизни «в настоящем». Подобная литература была адресована представительницам нового городского среднего класса, которые стремились к тому, чтобы их дом соответствовал правилам рациональной организации жилой среды и требованиям гигиены. Пространство дома для них было способом адаптации к «современности», местом выражения индивидуальной и групповой идентичности в период интенсивной урбанизации и изменения социальной структуры городов, в которой они пытались определить свое место (с. 43). В отличие от квартир представителей среднего класса, дома городской элиты нередко становились прибежищем прошлого. В третьей главе «Прошлое в настоящем: ностальгические портреты русского дома» Фридман исследует «ностальгический импульс» рубежа веков, который выражался в попытках писателей, художников и меценатов замедлить бег времени через обращение к эстетике, связанной с усадебной и деревенской жизнью, а также крестьянским искусством. Обращаясь к мемуарам, детским воспоминаниям, заметкам, фотографиям и иллюстрациям в журналах «Старые годы», «Столица и усадьба» и «Мир искусства», Фридман реконструирует контекст, в котором очарование прошлым послужило основой для развития русского стиля как национального варианта общеевропейского стиля модерн и проектов по возрождению крестьянских художественных ремесел.

Четвертая глава «Революционное время» посвящена анализу парадоксальной темпоральности раннесоветской культуры. С одной стороны, она была устремлена в будущее: его утопические образы способствовали экспериментам в области жилищного строительства и организации общественной жизни. Условием достижения будущего было преодоление прошлого, что делало необходимым умение замечать прошлое в настоящем, дабы окончательно «вместить» его остатки. Например,

авторы инструкций по домоводству в массовых журналах призывали читателей избавляться от старого хлама и «пыли прошлого». С другой стороны, прошлое обладало некоторой привлекательностью: его изучение было способом отстранения от «рассогласованности настоящего» (с. 158). В этом контексте возникновение в 1922 году Общества изучения русской усадьбы или новый виток интереса к крестьянскому и кустарному искусству не выглядят нарушением логики временного режима советской культуры, а закономерным следствием процесса установления нового равновесия между ценностями прошлого, настоящего и будущего.

Сравнивая рекомендации по организации жилой среды в дореволюционной и советской массовой печати, Фридман отмечает, что характеристики «современного» жилья в советское время не слишком отличались от дореволюционных норм. До и после революции чистота жилых помещений, достаточное освещение, свежий воздух, отсутствие пыли ассоциировались с состоянием «современности», а захламленность, грязь и мусор были признаками «прошлого». Принципиальное отличие советской «современности» Фридман видит в утверждении в настоящем ценностей и практик совместного быта и намерении освободить советских граждан – в первую очередь женщин – от бремени повседневных домашних обязанностей благодаря организации общественных прачечных, столовых и детских садов. Утопические проекты устройства коммунального быта поддерживали устремленность советского временного режима в будущее.

В заключении книги Фридман делится своими впечатлениями от посещения ГУМа, витрины которого оформлены как окна в советское прошлое, а также столичных кафе в советском стиле во время поездки в Москву весной 2019 года. В своих наблюдениях Фридман находит подтверждение тезиса Сергея Ушакина о способности советских вещей, помещенных в современный контекст, порождать особый тип *second-hand* ностальгии у людей, у которых нет непосредственного опыта «советского» (Oushakine 2020). Возможно, переход в эпилоге к эссеистическому стилю, отличающемуся от более строгого стиля основного содержания монографии, связан с тем, что и сама автор легко поддается этому ностальгическому чувству.

Книга «*Modernity, Domesticity and Temporality in Russia*» – пример легкого и увлекательного чтения. За исключением первой теоретической главы, предполагающей понимание содержания профессиональных дискуссий о модерности, монографию Ребекки Фридман можно рекомендовать широкому кругу читателей, которые находят удовольствие в обнаружении связей между далекими, на первый взгляд, идеями и практиками. Однако стоит отметить и некоторые недостатки текста. Например, читателя может запутать отсутствие единообразия при упоминании Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ) – созданного в 1922 году объединения искусствоведов и краеведов-любителей, которые занимались изучением усадебной архитектуры⁵. На одной странице автор поочередно использует аббре-

⁵ В указателе к книге присутствует три рубрики – «Society for Gentry Estates», «Society for the Study of the Russian Estate», «Society of the Lovers of the Estate (OURI)» – которые отсылают к одному и тому же общественному объединению. При этом «OURI» является ошибочным вариантом написания аббревиатуры «OIRU» (ОИРУ), принятого для сокращения названия Общества изучения русской усадьбы.

виатуры OURI и OIRU, и это не просто случайная опечатка, а повторяющаяся и в других местах текста ошибка (с. 159). Кроме того, в тексте встречаются не только смысловые повторы, но и дословные повторения одной мысли или цитаты, буквально на соседних страницах (например, с. 117 и 118). Эти повторения заставляли меня сомневаться, не забыла ли я перелистнуть страницу, и вызывали ощущение дежавю. Возможно, этот эффект можно рассматривать как еще один уровень текста, обладающий иммерсивными свойствами, погружающий читателя во временную петлю и позволяющий ощутить присутствие прошлого в настоящем, то есть пережить опыт, о котором пишет Фридман, исследуя исторические темпоральности. В таком случае отмеченный недостаток придает своеобразие этому располагающему к размышлениям исследованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман, Алейда. 2012. «Трансформации нового режима времени». *Новое литературное обозрение* 4(116):16–31.
- Николаи, Федор и Андрей Оленников. 2021. «Темпоральный поворот в теории исторического знания на рубеже XX–XXI веков». Препринт по материалам отчета о научно-исследовательской работе. Доступно на SSRN. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3860885>.
- Bryson, Valerie. 2007. *Gender and the Politics of Time: Feminist Theory and Contemporary Debates*. Bristol, UK: Policy.
- Past & Present*. 2019. "Viewpoints: Temporalities." 243(1):247–327.
- Oushakine, Serguei Alex. 2020. "Second-Hand Nostalgia: On Charms and Spells of the Soviet *Trukhl-iashchechka*." Pp. 38–69 in *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies*, ed. by Otto Boele, Boris Noordenbos, and Ksenia Robbe. New York: Routledge.